

РАССКАЗЫ
АНТИКВАРИЯ
О ПРИВИДЕНИЯХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я сочинял эти рассказы в разное время, и бóльшая часть их была прочитана вслух моим терпеливым друзьям — как правило, накануне Рождества. Один из друзей предложил проиллюстрировать их, и было решено, что, если ему это удастся, я подумаю о публикации. Он закончил четыре рисунка, которые вы найдете в этом томе, после чего очень скоро и неожиданно умер. По этой причине большинство историй в книге не сопровождаются иллюстрациями. Те, кто знал художника, поймут, как мне хотелось, чтобы даже малая толика его работ увидела свет; другие наверняка оценят, что таким образом отдается долг памяти человеку, который был средоточием многих дружеских отношений.

Сами же рассказы не претендуют на сколь-либо восторженный прием у публики. Если какой-то из них сумеет вызывать приятное чувство легкой тревоги у читателя, идущего в сумерках по пустынной дорожке или сидящего в предрассветные часы у догорающего камина, значит они достигли цели, к которой стремился автор.

Первые два из включенных в эту книгу рассказов изначально были напечатаны в «Нэшнл ревью» и «Пэлл-Мэлл мэгэзин» соответственно, и за любезное разрешение воспроизвести упомянутые истории здесь я хочу выразить благодарность издателям упомянутых журналов.

*М. Р. Джеймс
Кингз-колледж, Кембридж
Канун Дня Всех Святых, 1904 год*

АЛЬБОМ КАНОНИКА АЛЬБЕРИКА

Сен-Бертран-де-Комменж — захудалое селение на отрогах Пиренеев, недалеко от Тулузы и в двух шагах от Баньер-де-Люшена. До революции там располагался епископский престол; имеется собор, который посещает немало туристов. Весной 1883 года в этот старомодный уголок (не насчитывающий и тысячи жителей, он едва ли заслуживает названия «город») прибыл один англичанин, выбравшийся в Сен-Бертран-де-Комменж специально, чтобы посетить церковь Святого Бертрана. Он был из Кембриджа, гостил в Тулузе, где оставил в гостинице под обещание на следующее утро к нему присоединиться двоих друзей, не таких страстных археологов, как он сам. Им на осмотр церкви было достаточно полчаса, а потом все трое собирались двинуться дальше, в направлении Оша. Но наш англичанин приехал в день, о котором идет речь, с утра пораньше и обещал себе подробно описать и сфотографировать каждый уголок этой чудесной церкви на вершине холма Комменж, для чего были приготовлены новая записная книжка и несколько дюжин фотопластинок. Чтобы исполнить это намерение со всей добросовестностью, англичанину нужно было на весь день заручиться помощью церковного служителя. За ним (предпочитаю именовать его причетником, пусть это и неточно), соответственно, послали, о чем распорядилась довольно бесцеремонная дама, хозяйка гостиницы «Шапо Руж», и, когда он пришел, англичанин совершенно неожиданно открыл в нем интересный объект для изучения. Любопытство вызывала не наружность причетника (таких маленьких сухоньких старичков во французских церквях полным-полно), а на удивление уклончивая манера держаться вкупе с настооро-

женным взглядом. Он постоянно оборачивался, дергал шеей и нервно сутулился, словно боялся, что кто-то нападет на него сзади. Англичанин не знал, к какому типу людей его отнести: к тем, кого преследует наваждение, мучает совесть или угнетает злая жена. Последняя идея представлялась в итоге наиболее вероятной, и все же трудно было вообразить себе мегеру, способную поселить в человеке такую панику.

Как бы то ни было, англичанин (назовем его Деннистон) вскоре с головой ушел в свои записи и фотографии и перестал обращать внимание на причетника. Бросая в сторону причетника случайный взгляд, Деннистон каждый раз заставлял его либо жмуцимся к стене, либо сидящим в согбенной позе на одной из роскошных алтарных скамей. Через некоторое время Деннистон почувствовал неловкость. В голову полезли подозрения: что он задерживает старика, которому пора на *déjeuner*¹, что его считают способным сбежать с вырезанным из слоновой кости посохом святого Бертрана или с пыльным чулком крокодила, которое висело над купелью.

— Может, вам хочется домой? — спросил он наконец. — Мне больше не потребуется помощник; если желаете, можете меня запереть. Работы осталось еще часа на два, а вы, кажется, озябли.

— Боже упаси! — воскликнул старичок, которого это предложение почему-то повергло в неопиcуемый ужас. — Такое просто невысказуемо! Оставить месье в церкви одного? Нет-нет, мне все равно, я посижу и два часа, и три. Позавтракал я плотно, одет тепло; спасибо месье за заботу.

«Ну дружочек, — подумал Деннистон, — сам напросился. Я предупреждал».

К исходу второго часа все — и алтарные скамьи, и громадный ветхий орган, и алтарная преграда епископа Жана де Молеона, и остатки витражей и шпалер, и содержимое сокровищницы — было самым тщательным образом изучено; причетник меж тем ходил за Деннистоном по пятам и при каждом шорохе, каковые неизбежны в обширных пустых помещениях,

¹ Обед (фр.).

дергался, как укушенный. А шорохи порой случались странного свойства.

«Однажды, — рассказывал мне Деннистон, — на самом верху башни отчетливо послышался тонкий, звонкий, как металл, смешок. Я бросил испытующий взгляд на причетника. Он побелел как полотно. „Это он... то есть... никого нет; дверь заперта“, — выдавил он из себя, и мы добрую минуту не сводили друг с друга глаз».

И еще один случай заставил Деннистона задуматься. Он изучал большую темную картину, что висит за алтарем, — одну из серии, живописующей чудеса святого Бертрана. Композиция картины почти неразличима, но снизу имеется латинская надпись, гласящая:

*Qualiter S. Bertrandus liberavit hominem quem diabolus
diu volebat strangulare.*

*(Как святой Бертран спас человека,
которого дьявол замыслил задушить.)*

Деннистон с улыбкой повернулся, готовясь пошутить, но растерялся: старик стоял на коленях и созерцал картину с отчаянной мольбой в глазах, ладони его были стиснуты, по щекам потоком текли слезы. Деннистон, разумеется, сделал вид, будто ничего не заметил, однако не мог не задаться вопросом: «Как могла эта мазня так сильно кого-то поразить?» Деннистону показалось, что он догадывается, почему причетник весь день выглядел так странно: церковнослужитель — одержимый, вот только в чем заключается его одержимость?

Время близилось к пяти, короткий день заканчивался, и церковь стала наполняться тенями; притом непонятные шумы — приглушенные шаги и отдаленные голоса, не умолкавшие весь день, — начали повторяться чаще и отчетливей; объяснение, несомненно, заключалось в том, что в полутьме обостряется восприятие звуков.

Впервые причетник выказал признаки спешки и нетерпения. Когда фотоаппарат и записная книжка были наконец отложены в сторону, он со вздохом облегчения указал Деннисто-

ну на западный портал церкви, располагавшийся под башней. Настало время звонить «Ангелюс». Несколько рывков непослушной веревки — и большой колокол Бертрана заговорил на вершине башни, и его голос, взлетая к сосновому лесу и спускаясь в долины, переключаясь с горными ручьями, призвал обитателей одиноких холмов вспомнить и повторить приветствие, которое ангелы обращают к Той, Которую зовут «благословенной между женами». Казалось, впервые за этот день на городок опустилось глубокое спокойствие, и Деннистон с причетником вышли за порог.

У дверей они разговорились.

— Месье вроде бы интересовался старыми церковными книгами из ризницы?

— Именно. Я собирался вас спросить, нет ли в селении библиотеки.

— Нет, месье; то есть раньше, наверно, была и принадлежала капитулу, но нынче народу здесь живет так мало... — Последовала странная нерешительная пауза, а потом причетник, словно набравшись храбрости, продолжил: — Но раз месье — *amateur des vieux livres*¹, у меня дома для вас кое-что нашлось бы. Это в какой-то сотне ярдов.

Мгновенно в голове у Деннистона вспыхнули давно лелеемые мечты о том, как ему попадают где-то в нехоженном уголке Франции бесценные манускрипты, — вспыхнули и тут же погасли. Какой-нибудь обычный миссал года приблизительно 1580-го, от Плантена — вот о чем, вероятно, шла речь. Вряд ли в такой близости от Тулузы сохранился хоть один уголок, не обысканный коллекционерами. Но в любом случае было бы глупо не пойти; а то потом замучаешь себя упреками. И они отправились. В пути он вспомнил о непонятном поведении причетника — его колебаниях и внезапной решимости — и, пересилив неловкость, задал себе вопрос: что, если его спутник замыслил заманить богатого англичанина в ловушку и покончить с ним? И он, затеяв с причетником разговор, стал довольно неуклюже намекать на то, что завтра утром к нему приедут

¹ Любитель старинных книг (*фр.*).

двое друзей. Как ни странно, это известие явно освободило причетника от с недавней его тревоги.

— Хорошо, — промолвил он чуть ли не с радостью, — это очень хорошо. Месье встретится с двумя друзьями, они все время будут рядом. Путешествовать в компании — это самое лучшее... иногда.

Последнее слово бедняга добавил чуть погода и после снова впал в грустную задумчивость.

Вскоре показался дом причетника: больше соседских, каменный, с резным гербом над дверью, а именно гербом Альберика де Молеона, потомка по боковой линии (как говорит мне Деннистон) епископа Жана де Молеона. Указанный Альберик служил каноником Комменжа с 1680 по 1701 год. Верхние окна были заколочены, и на всей усадьбе, как и на остальном Комменже, лежала печать упадка и запустения.

У дверей причетник немного помедлил.

— Но может быть, — проговорил он, — у месье все же нет времени?

— Да нет же... времени полно... до завтрашнего дня я совершенно свободен. Давайте посмотрим, чем вы располагаете.

Тут дверь открылась, и в проеме показалось лицо — молодое, в отличие от лица причетника, но тоже отмеченное заботой; только это был не страх за себя, а забота о благополучии другого человека. Очевидно, передо мной стояла дочь причетника, и, если оставить в стороне выражение лица, ее можно было назвать красавицей. Увидев при отце физически крепкого провожатого-иностранца, она заметно приободрилась. Между отцом и дочерью состоялся краткий разговор, из которого Деннистон разобрал лишь реплику причетника «он смеялся в церкви», на что девушка ответила взглядом, исполненным ужаса.

Но в следующую минуту они оказались в гостиной — небольшой комнате с высоким потолком и каменным полом; в огромном камине пылали дрова, по стенам бегали отсветы. Высокое, едва ли не до потолка, распятие на стене делало комнату похожей на молельню; тело Спасителя было раскрашено в натуральные тона, крест был черный. Под ним стоял сундук,

довольно старый и основательный, и, когда в комнату внесли лампу и расставили стулья, причетник, все больше волнуясь, извлек из него, как показалось Деннистону, большую книгу, которая была завернута в белую ткань с примитивной красной вышивкой в виде креста. Еще в обертке книга заинтересовала Деннистона своим размером и формой. «Для миссала слишком велика, — подумал он, — а для антифонария не та форма. Может, все же это окажется что-то недурное». Тут причетник открыл книгу, и Деннистону стало ясно, что перед ним наконец находка не просто недурная, а поистине превосходная. Это было большое фолио, переплетенное, вероятно, в конце семнадцатого века, с тисненными золотом гербами каноника Альберика де Молеона по обеим сторонам. Количество листов приближалось, наверное, к ста пятидесяти, и к каждому была прикреплена страница иллюминированного манускрипта. Подобная коллекция не грезилась Деннистону даже в самых смелых мечтах. Десять страниц из Евангелия с картинками относились году к семисотому, не позднее. Имелся полный комплект миниатюр из Псалтири наитончайшей английской работы тринадцатого века, а кроме того, то, что, пожалуй, было лучше всего: два десятка страниц латыни унциального письма, в которых Деннистон, судя по нескольким разрозненным словам, сразу опознал какой-то неизвестный и очень ранний патристический трактат. Не был ли это фрагмент «Изречений Господних» Папия — трактата, о котором известно, что в последний раз его видели в двенадцатом веке в Ниме?¹ Как бы то ни было, решение созрело сразу: Деннистон должен вернуться в Кембридж с этой книгой, пусть даже для этого придется забрать из банка всю наличность и сидеть в Сен-Бертране, пока не придет новая. Он поднял глаза на причетника, ища в его лице намек на готовность продать книгу. Причетник был бледен и жевал губами.

— Не желает ли месье досмотреть до конца? — предложил он.

---

¹ Теперь нам точно известно, что эти листы содержали значительный фрагмент, если не весь труд целиком.

Месье принялся листать дальше, постоянно обнаруживая новые и новые сокровища, и в конце наткнулся на два бумажных листа, значительно более поздних, чем все остальное, которые изрядно его удивили. Они относились, как он решил, ко времени самого нечистого на руку каноника Альберика, чей бесценный альбом, несомненно, был составлен из награбленного в библиотеке капитула Святого Бертрана. На первом листе был аккуратно начерченный план, на котором человек осведомленный тотчас узнал бы неф и клуатр здешнего собора. Имелись странные значки, похожие на символы планет, и в уголках — несколько древнееврейских слов; в северо-западном углу клуатра был проставлен золотой краской крестик. Под планом стояла латинская надпись в несколько строчек:

Responsa 12^{mi} Dec. 1694.

Interrogatum est: Inveniamne? Responsum est: Invenies.

Fiamne dives? Fies.

Vivamne invidendus? Vives.

Moriarne in lecto meo? Ita.

(Ответы от 12 декабря 1694 года.

Спрошено: Найду ли я его? Ответ: Найдешь.

Сделаюсь ли я богачом? Сделаешься.

Станут ли мне завидовать? Станут.

Умру ли я в своей постели? Умрешь.)

«Записки кладоискателя, типичный образец. Напомнило младшего каноника Куотермейна из „Старого собора Святого Павла“, — прокомментировал про себя Деннистон и перевернул страницу.

То, что он увидел далее, как неоднократно говорил мне Деннистон, поразило его так, как не могли бы поразить ни одна другая картина или рисунок. И хотя указанное изображение более не существует, осталась его фотография (она у меня), которая полностью подтверждает эти слова. Оно было выполнено сепией, относилось к концу семнадцатого века и представляло, как казалось на первый взгляд, библейскую сцену: архитектура (на картине был запечатлен интерьер) и фигуры

были выполнены в полуклассической манере, какую художники два века назад считали уместной при иллюстрировании Библии. Справа сидел на троне царь; возвышение в двенадцать ступенек, балдахин сверху, львы по сторонам — все свидетельствовало о том, что это царь Соломон. Он клонился вперед в повелительной позе и простирал скипетр: на лице отражались ужас и отвращение, но проглядывали также сила, мощь и властная уверенность. Однако самое поразительное заключалось в левой части картины. Именно она приковывала к себе основное внимание. На мощном полу перед тронем четверо солдат окружали согнутую фигуру, которую я скоро опишу. Пятый солдат лежал на плитах со свернутой шеей, глаза его вылезали из орбит. Четверо остальных глядели на царя. На их лицах была написана паника; похоже, от бегства их удерживало только безоговорочное доверие к повелителю. Причиной переполоха служило, очевидно, скорчившееся существо в середине круга. Я совершенно бессилён описать словами, какое впечатление оно производит на зрителя. Помню, однажды я показал эту фотографию одному преподавателю морфологии — человеку, я бы сказал, до ненормальности здравомыслящему и напроочь лишенному воображения. Он настоял на том, чтобы провести остаток этого вечера не в одиночестве, и, как я узнал от него впоследствии, еще много-много ночей боялся тушить свет перед отходом ко сну. Однако я могу по крайней мере обозначить главные черты этого персонажа. Первое, что видишь, — это путаница жестких черных волос; далее проступает тело — пугающе тощее, похожее на скелет, но в узлах мышц. Тускло-бледные руки, тоже поросшие длинным грубым волосом, заканчиваются чудовищными когтями. Горящие желтым огнем глаза с густо-черными зрачками глядят на сидящего на троне царя со звериной ненавистью. Представьте себе южноамериканского паука-птицееда, принявшего человеческий облик и наделенного едва ли не человеческим умом, — и вы получите отдаленное представление о том, какой ужас внушало это мерзкое создание. Все, кому я показывал картину, говорили в один голос: «Это написано с натуры».

Едва оправившись от приступа страха, Деннистон украдкой взглянул на хозяина дома. Причетник прикрывал глаза руками: его дочь, глядя на распятие на стене, лихорадочно читала молитвы.

Наконец прозвучал вопрос:

— Эта книга продается?

Вслед за прежними эмоциями — замешательством и затем решимостью — прозвучал благоприятный ответ:

— Если угодно месье.

— Сколько вы за нее возьмете?

— Двести пятьдесят франков.

Деннистон растерялся. Даже у коллекционеров временами просыпается совесть, а совесть Деннистона была чувствительней, чем коллекционерская.

— Дружище! — вновь и вновь повторял он. — Ваша книга стоит больше чем двести пятьдесят франков. Уверяю вас, гораздо больше!

Но ответ оставался прежним:

— Я возьму двести пятьдесят франков, и ни франком больше.

Отказаться от такой удачи было бы невысказано. Деньги были уплачены, расписка выдана, сделка обмыта стаканчиком вина, и причетник превратился в другого человека. Он выпрямил спину, перестал беспокойно оглядываться, он даже засмеялся — или сделал попытку. Деннистон приготовился уйти.

— Не позволит ли мне месье проводить его до гостиницы? — спросил причетник.

— Нет, спасибо. Это всего в сотне ярдов. Дорога мне хорошо известна, к тому же светит луна.

Причетник повторил свое предложение, наверное, трижды или четырежды — и неизменно получал отказ.

— Тогда пусть месье меня позовет, если... если понадобится. Лучше держаться середины дороги, обочины такие ухабистые.

— Конечно-конечно, — кивнул Деннистон, изнывая от нетерпеливого желания в одиночестве изучить свою драгоценную добычу. С книгой под мышкой он вышел в коридор.

Здесь он наткнулся на дочь причетника, которая, решил он, замыслила свой небольшой бизнес: подобно Гиезию, «добрать» с иностранца то, что недобрал ее отец.

— Серебряное распятие на цепочке — повесить на шею. Месье ведь не откажется его принять?

По правде, Деннистон не видел особой нужды в этих предметах. И сколько мадемуазель за них хочет?

— Нисколько... совсем нисколько. Месье очень обяжет меня, если возьмет.

Сказано это было настолько искренне, что Деннистон рассыпался в благодарностях и подставил шею. В самом деле, можно было подумать, что он оказал отцу и дочери милость, за которую они не знали, как отплатить. Стоя в дверях, они провожали его взглядом, пока он не махнул им на прощание рукой со ступеней «Шапо Руж».

После ужина Деннистон уединился в спальне со своим приобретением. Когда он рассказал хозяйке, что заходил к причетнику и купил у него старую книгу, она начала проявлять к нему особый интерес. Также ему почудилось, будто он слышит мимолетный разговор хозяйки и этого самого причетника, состоявшийся в коридоре у *salle à manger*¹ и завершившийся фразой: «Пусть в доме ночуют Пьер с Берtrandом».

Все это время в нем нарастало какое-то беспокойство — вероятно, нервная реакция после восторгов от находки. Оно свелось к стойкому ощущению, что позади него кто-то есть и лучше будет прислониться спиной к стене. Всеми этими мелочами, однако, можно было пренебречь, памятуя о ценности собрания, которое он приобрел. И вот, как уже сказано, Деннистон уединился в спальне с коллекцией каноника Альберика, в которой обнаруживал все новые и новые жемчужины.

— Благословенный каноник Альберик! — произнес Деннистон, усвоивший привычку разговаривать с самим собою вслух. — Знать бы, где он нынче? Бог мой! Ну и смех у хозяйки — можно подумать, в доме кто-то умер. Еще полтрубки, говоришь? Думаю, ты прав. Интересно, что за распятие навязала

¹ Столовой (фр.).

мне та девушка? Полагаю, прошлое столетие. Да, скорее всего. Тяжелое слишком — давит шею. Похоже, ее отец носил его не один год. Нужно будет его почистить, прежде чем спрячу.

Сняв распятие и положив на стол, он заметил, что на красной скатерти у его левого локтя что-то лежит. В голове у Деннистона стремительно промелькнуло несколько предположений:

«Перочистка? Нет, их нет в доме. Крыса? Нет, слишком черное. Большой паук? Боже упаси — нет. О господи! Да это рука, такая же, как на картинке!»

Осознание заняло миг-другой. Бледная тусклая кожа, а под ней ничего, кроме костей и поражающих своей мощностью жил; жесткий черный волос, какого не бывает на человеческих руках; на пальцах — острые загнутые когти, грубые и корявые.

Охваченный смертельным, неисповедимым ужасом, Деннистон вскочил на ноги. Фантом, опиравшийся левой рукой о стол, стоял позади, его согнутая правая рука нависала над головой ученого. Он был закутан в какое-то изодранное одеяние; грубый волосяной покров живо напоминал изображение на картине. Нижняя челюсть укороченная, я бы сказал, ужасная, как у зверя; за черными губами видны зубы; носа нет; глаза огненно-желтые, зрачок на их фоне совсем смоляной; сверкавшая в них кровожадная ярость пугала в этом видении больше всего. Притом в них проглядывал и некоторый ум — выше звериного, но ниже человеческого.

Жуткое зрелище вытеснило из чувств Деннистона все, кроме необузданного страха, из разума — все, кроме безграничного отвращения. Что он сделал? И что он мог сделать? Он до сих пор не помнит, какие произнес слова, знает только, что заговорил, что наугад схватил со стола серебряное распятие, что, заметив, как демон к нему тянется, взвыл, точно раненое животное.

Двое коротконогих слуг-крепких, Пьер и Бертран, в тот же миг ворвавшиеся в комнату, ничего не видели, но ощутили, как кто-то растолкал их в разные стороны, устремившись к порогу. Деннистона они нашли в глубоком обмороке. Они присидели с ним всю ночь, а к девяти утра в Сен-Бертран прибы-

ли двое друзей Деннистона. К тому времени он почти пришел в себя, хотя все еще немного дергался, и поведал историю, которой они поверили лишь после того, как рассмотрели изображение и поговорили с причетником.

Тот под каким-то предлогом явился в гостиницу едва ли не на рассвете и с глубоким интересом выслушал рассказ хозяйки. Услышанное, похоже, его не удивило.

— Это он... он самый. Я и сам его видел, — только и произнес старик и на все вопросы отвечал единственной фразой: — *Deux fois je l'ai vu; mille fois je l'ai senti*¹. — О происхождении книги, как и о подробностях своих приключений, он поведать не захотел. — Скоро я засну, и сон мой будет сладок. Зачем вы меня тревожите? — повторял он².

Что пережил он и что пережил каноник Альберик де Молеон, навсегда останется для нас тайной. Но некоторый свет на эту историю прольют, надо полагать, несколько строчек, начертанных на обороте рисунка:

*Contradictio Salomonis cum demonio nocturno
Albericus de Mauleone delineavit.
V. Deus in adiutorium. Ps. Qui habitat.
Sancte Bertrande, demoniorum effugator,
intercede pro me miserrimo.
Primum uidi nocte 12^{mi} Dec. 1694: uidebo mox
ultimum. Peccaui et passus sum, plura adhuc
passurus. Dec. 29, 1701³.*

Мне до сих пор неизвестна точка зрения самого Деннистона на изложенные события. Однажды он процитировал мне

¹ Два раза я его видел, а ощущал тысячу раз (*фр.*).

² Он умер этим летом; дочь вышла замуж и обосновалась в Сен-Паупле. Она никогда не знала в подробностях об «одержимости» отца.

³ Т. е. Спор Соломона с демоном ночи. Зарисовано Альбериком де Молеоном. *Ектенья*. Боже мой! поспеши на помощь мне. Псалом Живущий (90).

Святой Бертран, кто обращает в бегство дьявола, молись за меня, несчастного. Впервые я видел это ночью 12 декабря 1694 года; скоро увижу в последний раз. Я грешил и страдал и должен страдать еще. 29 декабря 1701 года.

Дату смерти каноника я нахожу в «Gallia Christiana»: 31 декабря 1701 года, «в постели, от внезапного припадка». Саммартани в своем великом труде редко сообщает такие подробности.

текст из Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «Есть ветры, которые созданы для отмщения и в ярости своей усиливают удары свои». В другой раз он сказал: «Исайя был очень мудр; не ему ли принадлежат слова о чудищах ночных, живущих на руинах Вавилона? В наши дни мы склонны об этом забывать».

Он поведал мне еще кое-что, и я всем сердцем к нему присоединился. В прошлом году мы ездили в Комменж, чтобы осмотреть могилу каноника Альберика. Внушительное мраморное сооружение включает скульптурный образ каноника в большом парике и сутане; велеречивая подпись отдает дань его учености. Деннистон, как я заметил, поговорил о чем-то с приходским священником Сен-Бертрана. На обратном пути он мне сказал:

— Надеюсь, я не совершил ничего недозволенного. Ты ведь знаешь, я пресвитерианин... но я... они теперь будут служить мессы и читать поминальные молитвы по усопшему Альберику де Молеону. — И он добавил, подпустив в голос североанглийскую ноту: — Понятия не имел, что они так заламывают цену.

Ныне альбом находится в Кембридже, в коллекции Вентворта. Картину Деннистон сфотографировал и потом сжег в тот день, когда покидал Комменж после первого приезда.

ПОХИЩЕННЫЕ СЕРДЦА

Насколько мне известно, это произошло в сентябре 1811 года. В тот день к воротам Осуорби-холла, что находится в самом сердце Линкольншира, подкатила почтовая карета, и, едва она остановилась, из нее выпрыгнул маленький мальчик — ее единственный пассажир. За те недолгие минуты, пока вновь прибывший, позвонив в дверь, ждал ответа, он с жадным любопытством озирался по сторонам, рассматривая высокий квадратный особняк из красного кирпича, возведенный во времена королевы Анны, портик с каменными колоннами, в безупречном классическом стиле, пристроенный в 1790 году, многочисленные окна, высокие и узкие, с толстыми белыми рамами. Фасад дома был увенчан фронтоном с круглым окошком, а слева и справа от главного здания тянулись флигели, которые соединялись с ним изящными застекленными галереями, опиравшимися на колонны. Над каждым из флигелей, где, судя по всему, располагались конюшни и хозяйственные помещения, красовался узорчатый купол с золоченым флюгером.

Озарявший здание вечерний свет играл в оконных стеклах множеством огоньков. Перед домом на некотором удалении простирался унылый парк, поросший дубами и окаймленный елями, чьи вершины четко вырисовывались на фоне неба. Часы на церковной колокольне, которая почти целиком, кроме сверкавшего на солнце позолоченного флюгера, утопала среди деревьев на окраине парка, пробили шесть, их мягкий звон доносился до слуха, чуть приглушенный ветром. И мальчику, ожидавшему на крыльце, когда откроется дверь, вся эта картина